

И.Е. ШТЕЙНБЕРГ

«ЖИВЫЕ» И ВИРТУАЛЬНЫЕ СЕТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ: АНАЛИЗ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ

Статья посвящена анализу сходств и различий традиционных «живых» и виртуальных социальных сетей поддержки, существующих в киберпространстве Интернета. Предмет исследования — процессы институционализации норм и отношений в социальных сетях, формы рутинизации поведенческих практик их участников, факторы устойчивости сетей, основания для их формирования и развития и т. п. Автор приходит к выводу, что сетевое сообщество как институт представляет собой «организационно-трансформер», стремящуюся каждый раз привести свою форму в соответствие с целями и задачами объединения. Особенности виртуальных сетей проявляются не в их структурно-организационном дизайне, а в нормах и правилах взаимодействия, сетевой этике, культуре «контента», кибернетической логике поведения виртуальных сетевых «узлов», способах установления границ и масштабов сетей.

Ключевые слова: «живые» и виртуальные социальные сети, процесс институционализации, устойчивость сетей, культура «контента», пиринговые группы и пиринговые сети, основы формирования, неделимые сетевые ресурсы.

*И постоянно кликает мышкою,
Чтоб пообщаться с подругой Иршикою.
Из современной попры*

Социальные сети поддержки распространены не только в социальном пространстве, состоящем из реальных, «живых» связей и отношений между людьми, но и в виртуальном киберпространстве Интернета. С началом развития Всемирной паутины сфера человеческих коммуникаций обрела новые возможности. Интернет создал такое популярное сегодня понятие, как social networking. Это специальные веб-порталы, ориентированные на то, чтобы помочь людям ближе узнать друг друга, установить новые связи и отношения. Возникают своеобразные сетевые сообщества, участники которых имеют возможность без особых формальных ограничений обмениваться мнениями, мыслями, эмоциями и создавать основу для дружественных отношений на базе общих интересов. Таким образом, мы можем говорить о новом предмете исследования социальных наук — социальные явления в Интернете и, в частности, феномен виртуальных социальных сетей (ВСС).

Штейнберг Илья Ефимович — кандидат философских наук, директор НКО «Социум». Адрес: 413100, Энгельс, Саратовская обл., ул. Горького, д. 10. Телефон: (8453) 555-116.
Электронная почта: isteinberg@mail.ru

Реальна ли основа виртуальных отношений?

Большинство авторов интернет-энциклопедий и словарей терминов, говоря о природе появления social networking, исходят из того, что основа создания таких сетей заимствована из реальной жизни [5]. Действительно, внешне это похоже на то, как возникают «живые» социальные сети (ЖСС), сформированные на основе персонифицированных отношений дружбы и взаимопомощи. Мы вроде бы наблюдаем процесс обретения новых друзей с помощью старых или простой переход членов ЖСС на режим общения online — посредством электронной сети Интернета. Так же, как и в живых сетевых сообществах, после знакомства с кем-либо у субъекта появляется возможность познакомиться с его друзьями, и сеть виртуальных «друзей» может расти в геометрической прогрессии. Таким образом, принципы объединения в ЖСС и ВСС сходны, однако по темпам самоорганизации и по числу участников виртуальные сети могут во много раз обгонять живые.

Через призму online реальная социальная сеть представляет собой множество людей, ранее никак не связанных, объединенных персональной коммуникацией. Социальные сети представляют собой новые средства самореализации и общественной коммуникации людей. Сам Интернет рассматривается не только как источник информации и развлечений, а как «платформа для социальной активности» [3]. Главное в социальной сети — это взаимное равноправное общение ее участников. Можно предположить, что взаимное равноправное общение не случайно выделено сетевыми «сайтостроителями» как важный признак реальной сети. Потому что, с одной стороны, значение этого критерия в виртуальных сетях многократно усиливается, а с другой стороны, он является камнем преткновения в процессе институционализации сети. Организаторы Интернета крайне заинтересованы в соблюдении этого принципа, так как «строить» сети легче из «кирпичиков» устойчивых норм и правил сетевого взаимодействия.

Проблема институционализации социальных сетей в Интернете с точки зрения социологии ставит целый ряд интересных методологических вопросов относительно закономерностей формирования и функционирования социальных сетей в обществе. Тезис, что основания формирования ВСС взяты из «реального» пространства социальных сетевых коммуникаций, не очевиден, так как многие формы отношений и связей в киберпространстве не находят прямых аналогов в ЖСС. Для такого сравнения необходимы научно обоснованные представления о механизмах формирования и функционирования живых сетей, хотя бы в отношении оснований их возникновения, способов управления, факторов устойчивости организационной структуры,

системообразующих норм и правил поведения, традиций, обычаев и ритуалов, которыми регулируется институт социальной сети¹.

Например, если предположить, что базовые основания для вовлечения «интернет-чайников» в новые виртуальные социальные сети — те же, что и для живых сетей, то вслед за «Одноклассниками» должны появиться «однопольчане», «однокурсники», «сокамерники» и проч. Также, по аналогии с ЖСС, следует ожидать, что у таких сетей будут проблемы с устойчивостью и развитием коммуникативных связей.

В «Одноклассниках», как и в ЖСС, первый шаг к установлению связи с товарищами по учебе обусловлен мотивами ностальгии по молодости, любопытством, как сложилась их жизнь, желанием похвастаться своими достижениями или, напротив, найти понимание, сочувствие и даже помощь, оживив старые социальные связи или установив новые.

Но для живых сетей этих оснований оказывается недостаточно. После первого шага к возобновлению контактов с одноклассниками, например, участия во встрече выпускников школы, второго шага — удержания контакта и превращения его в устойчивую связь, — как правило, не происходит. Во-первых, часть пришедших на эти встречи уже представляют собой социальные сети, созданные на основании дружбы, совместного дела и т. п. (они вместе пришли на встречу и вместе с нее ушли). Во-вторых, одновременно с симпатиями оживают и антипатии. В-третьих, если прошло много времени, то новые контакты требуют дополнительных ресурсов для поддержки, которых может и не быть, и т. д.

Но если виртуальная сеть «одноклассников» показывает большую устойчивость в плане удержания и развития контактов, чем живая, то это заставляет думать об иной природе ее устройства и латентных функциях, которые она осуществляет. Например, это может быть удовлетворение дефицита общения «со своими», то есть не новыми, а старыми друзьями и знакомыми, для встречи с которыми

¹ В данной статье эти необходимые для сравнения научные представления о живых сетях основаны на ряде международных исследовательских проектов, где одним из предметов исследования были закономерности формирования и развития социальных сетей поддержки в городе и селе: «Изучение социальной структуры российского села» (1990–1994), «Реальная экономика и политика российского села» (1995–1996, рук. Т. Шанин), «Неформальная экономика сельских и городских домохозяйств: реструктуризация сетей межсемейного обмена» (1999–2001, рук. Т. Шанин и В. Радаев), «Социальные сети в России» (2002–2004, рук. А. Берелович), «Социальные сети поддержки в городской этнической общине» (2004–2006, рук. И. Штейнберг). О междисциплинарной методике исследований и их результатах см.: [8, 9].

трудно найти время. Тогда этот сайт представляет собой «место встречи» в киберпространстве, и развитие пойдет в сторону обустройства этого места. Поводом для укрепления связи является не общее прошлое, а общее настоящее и будущее, что доказывается присутствием на этих сайтах субъектов, работающих в одном офисе, которые объективно могут встречаться offline.

Институционализация «контента тусовки»

В таком случае, можно предположить, что институционализироваться в такой ВСС будут в основном сообщества с определенной «специализацией» интересов (искусство, спорт и проч.) Если виртуальное место встречи будет удобным, то сюда могут перебраться «одинокое сердца» с потребностью найти друга или подругу. От «живого» это общение «с доставкой на дом» отличает именно наличие сайта как особого места для установления контактов и отсутствие невербальной части живой коммуникации (интонации голоса, мимика, жесты). Общение на сайте имеет свои достоинства и недостатки, обсуждение которых — не цель данной статьи, достаточно зафиксировать его основные отличия от общения в живых социальных сетях.

Здравый смысл подсказывает, что главное отличие состоит в предпочтении участниками ЖСС контактов лицом к лицу и обмена глубоко материальными признаками принадлежности к «своему кругу», а участники ВСС в этом особенно не нуждаются. Однако это не столь очевидно, если учесть, что существуют «амфибии», способные одинаково эффективно общаться со «своими» в обоих форматах. В виртуальных сетях достаточно примеров, демонстрирующих потребность их участников в различных комбинациях живого и виртуального общения.

Специфику виртуальной формы общения более явно демонстрируют рутинные практики участников ВСС: соблюдая особую «культуру контента», они должны оперативно создавать и рассылать свой текст, обсуждать тексты других участников, а также бесперебойно заниматься пересылкой циркулирующих по сети посланий.

Другая особенность этой культуры — возможность конструирования своего виртуального «Я» и создания для этого «Я» благоприятной жизненной среды, безопасного пространства, где можно реализовать свои отнюдь не виртуальные потребности. То есть в обыденной жизни такого «одноклассника» не все складывается так, как мечталось, а здесь ему предоставляется уникальная возможность прожить «иную жизнь», создать себя заново и принять участие в конструировании жизненного коммуникационного пространства для «нового себя». Тогда ведущая тема контента сайта, в котором «живет» участник сети, должна быть связана с его нереализованной потребностью. Он не является полным анонимом, но в реальной жизни имеет другой статус.

В «реале» подобные вещи можно проделать только на отдыхе или в купе поезда. Например, во время турпоездки, находясь среди незнакомых членов временного сообщества, можно придумать для себя другой образ и биографию, и все принимают эту игру, так как «скоро все закончится». Возможно, здесь мы видим один из способов выхода современного человека из жестких рамок рационального мира. Это попытка снять бремя рутинной организации своей жизни и управлять ею по своему усмотрению или выразить внутренние протесты против различных институтов, предписывающих индивиду определенные роли и правила поведения. Такие протесты не всегда осознаются, но могут обозначаться как тоска, депрессия, хроническая усталость от работы и вообще «от жизни».

Отметим, что участник онлайн-общения может предъявить только те черты своей личности, которые он сам сочтет уместными. Мы видим только часть личности, причем сильно мифологизированную, а значит типизированную под некий шаблон позитивного или вызывающего образа, принятого в этом сообществе. (По идее, мы должны наблюдать размножение в ВСС «друзей-клонов» по типу «женихов-клонов» в объявлениях брачных агентств.) Для члена реальной социальной сети возможности конструировать свой образ ограничены временем и местом встречи; затем уже другие участники делают о нем выводы на основе своего опыта и мировосприятия. Здесь «идеальный тип» корректируется не только представлениями о том, «что я думаю о себе», но и реакцией на «объективную» рефлексию других участников ЖСС. Такая логика приводит к парадоксальному выводу, что участие в ВСС может привести человека к утрате индивидуальных особенностей, при этом демонстрация своей уникальности требует от него не меньших усилий, чем в ЖСС.

Этот вывод подкрепляется попытками найти компенсаторы отсутствия невербального общения в ВСС в виде специфической символики («смайлики»), терминологии («албанский язык») и конвенций по их использованию. Это некоторым образом снижает риски ошибок понимания членами сети друг друга, так как значительная часть информации считывается с мимики, жестов, неопределенных междометий и проч. Однако подобная форма унификации «эмоционального фона» контента также может привести к утрате индивидуальности участника сетевых коммуникаций.

Еще одно последствие развития виртуальных социальных сетей, неоднозначное для общества, — это безопасность анонима или институциональный нонконформизм. Можно высказывать суждения, которые в реальности не поддерживаются общественным мнением или преследуются законом. Можно без риска социальной изоляции быть нестандартным, странным и т. п., так как вероятность встретиться с «оппонентами» невелика. Здесь могут быть реализованы

потребность в острых ощущениях (когда собственная жизнь монотонна и бедна общением), желание обрести и открыто высказать собственное мнение, быть «настоящим».

Кто и что удерживает структуру социальной сети?

Другой вопрос институционализации социальной сети — установление норм и правил сетевого общения и механизма, контролирующего их выполнение. Как в ЖСС, так и в ВСС этот вопрос не имеет однозначного алгоритма решения, но попытка его игнорировать или решить «несетевым» способом ведет к распаду и трансформации сети.

Например, как и в живых сетях, в случае значительного роста числа участников виртуальное сообщество выдвигает «освобожденного» координатора, так как у добровольцев уже не хватает ни сил, ни времени для поддержки его целостности и нормального функционирования. В результате в сети возникает иерархия, появляются «координаторы над координаторами» — субъекты, цели которых не связаны с целями и интересами участников сети. Цель такого «суперкоординатора» — сохранить целостность системы, для чего он часто вынужден навязывать другим членам сети действия, которые они не хотят выполнять добровольно, так как не усматривают в них общего интереса.

Так, в общественных организациях, решивших создать свою сеть для объединения ресурсов, появляется «ответственный» за выполнение решений, принятых участниками сети, за поддержание коммуникации, за контроль над общим сетевым ресурсом, если он образовался. Чаще всего такую роль выполняет представитель организации, которая инициирует создание сети и вносит наибольший вклад (материальный, информационный, кадровый) в это дело. Несмотря на добровольное делегирование ответственности «суперкоординатору», некоторые участники взаимодействия воспринимают его как «начальника», особенно если они зависят от предоставления ресурсов организации-инициатора. Невыполнение решений ведет к конфликтам, что вызывает необходимость четко определять роли участников, границы их ответственности, ужесточать обязательства, вводить санкции. Структура сетевой организации становится нестабильной, и она трансформируется либо в штатную организацию с вывеской «сеть», либо в аморфное образование — «тусовку», периодически объединяющуюся при появлении ресурсов для демонстрации сетевого партнерства.

Процесс институционализации отношений внутри реальной социальной сети может идти по другому сценарию, если ее участники научаются сетевому мышлению, то есть сознательно отказываются от идеи «быть над другими». Но как тогда возможно нормальное функционирование сообщества?

Анархия — мать виртуального порядка?

Рассматривая проблему сетевого управления, следует упомянуть подход идеологов анархизма к решению проблем управления своими организационными структурами — анархическими союзами, которые, в современных представлениях, имеют много общего с социальными сетями. Один из выдающихся деятелей анархического движения П. Кропоткин определял такие союзы как *«постоянно видоизменяющиеся, носящие в самих себе элементы своей продолжительности и принимающие в каждый данный момент те формы, которые лучше всего соответствуют разнообразным стремлениям всех»*. Эти союзы ищут *«гармонию в постоянно-изменчивом равновесии между множеством разнообразных сил и влияний, из которых каждое следует своему пути и которые все вместе, именно благодаря этой возможности свободно проявляться и свободно уравниваться, и служат лучшим залогом прогресса, давая людям возможность проявлять всю свою энергию в этом направлении»* [7, с. 212-213].

Иными словами, речь идет об организационной структуре, которая постоянно меняет свои формы в зависимости от цели объединения и состава участников.

Следуя этой логике, усилия по длительному сохранению целостности и организационной структуры сети как таковой теряют смысл. Речь идет только о конкретных проектах, совместных акциях и т. п., то есть сетевое сообщество как институт представляет собой «организацию-трансформер», стремящуюся каждый раз привести в соответствие свою форму с целями и задачами объединения. В этом случае институционализируется не организационная конструкция, изначально понимаемая как временная (подобно строительным лесам вокруг здания), а нормы и правила взаимодействия, сетевая этика: добровольность, доверие, взаимопомощь, толерантность, самоорганизация.

Надо отметить, что современные неонархисты обрели в социальных сетях Интернета благодатную почву для своего течения. В. Преображенский (семинар «Этика капитализма») считает, что «фундаментальная ценность сетевой организации в том, что она создает материальную основу для нового типа культуры... добавляет одну исключительно важную вещь — этический императив важности ежедневного саморазрушения. Иными словами, если каждый день, приходя на работу, ты не думаешь, что я должен в себе и своей работе изменить, чтобы быть более эффективным, то это значит, что ты затормаживаешься» [1].

На практике мы видим, что наиболее устойчивые сетевые сообщества — это сети, «заточенные» под определенный проект. После его реализации участники сообщества могут образовать новую сеть под новую задачу, с другой конфигурацией и другими координаторами, однако сохранить при этом институт сетевых связей и отношений

в виде кредита доверия друг другу, норм, правил, традиций взаимной поддержки и проч.

В целом же устойчивость ЖСС будет зависеть от того, насколько сетевые связи и отношения отвечают потребностям данной сети. Например, если сеть существует, чтобы демонстрировать единство социальных групп в понимании определенной проблемы и способов ее решения, то фактором устойчивости будет сохранение и рост численности представителей этих групп, регулярность контактов между ними.

Какие потребности формируют живую сеть социальной поддержки?

Чтобы понять, какие потребности формируют ЖСС, мы решили пойти методом «от обратного», то есть найти такую социальную группу, где социальные связи с окружением оказались разорванными, и спросить ее представителей, чего они в результате лишились, что хотели бы возобновить. Такой группой были выбраны потребители инъекционных наркотиков. Как известно, употребление наркотиков рано или поздно нарушает привычные социальные связи индивида. Родственники, друзья и знакомые после безуспешных попыток помочь больному преодолеть зависимость от психоактивных веществ меняют отношение к нему и нередко разрывают связи. В большинстве случаев больные наркоманией болезненно переживают разрушение своей сети социальной поддержки².

В ходе консультирования наркозависимых психолог, как правило, задает вопросы о кругах общения, характере взаимоотношений с родными и знакомыми и другие «сетевые» вопросы. Здесь представлены результаты анализа ответов больных наркоманией (зависимых от опиатов и стоящих на учете в городском наркодиспансере) на два из этих вопросов: 1) о негативном влиянии употребления наркотиков на «связь с миром»; 2) о связях и отношениях с обществом, в которых у них есть сейчас особая потребность и которые нужно восстановить в первую очередь.

При анализе ответов мы не учитывали специфические потребности, связанные с употреблением наркотиков, а только те, что носят общий характер и могут быть обеспечены социальными сетями поддержки родственников, друзей, знакомых. В результате были выделены шесть потребностей:

² Первичными данными для исследования послужили записи 211 консультирования психолога по химическим зависимостям НКО «Социум» (город Энгельс Саратовской области), которые подготовлены в рамках программы «Снижение вреда» (проект «Снижение темпов роста распространения ВИЧ/СПИДа среди потребителей инъекционных наркотиков» при поддержке фонда PSI) в 2004–2007 гг.

- сохранение и укрепление родственных связей;
- материальная и моральная помощь, поддержка в сложных жизненных ситуациях (социальная страховка «в случае чего»);
- потребность в принадлежности к определенной социальной группе — кругу друзей, семейному клану и проч.;
- подтверждение своего статуса «нормального человека», прежде всего, среди знакомых и родственников, признание ими своих достижений и самооценки;
- потребность в объединении ресурсов с членами «своего круга» для решения жизненно важных проблем, когда «в одиночку не справиться»;
- потребность ощущать заботу и самому о ком-то заботиться, воспитывать, учить на своем опыте (*«что я теперь могу передать своим детям, кроме того, что не надо колоться?»*).

При попытках войти в социальные сети родственников, друзей, товарищей по работе, отдыху и проч., то есть тех сообществ, которые удовлетворили бы эти потребности, представители рассматриваемой группы сталкиваются с феноменом существования границ живой сети, которые также можно рассматривать как фактор ее устойчивости.

Достаточно сложно понять, какова «норма» — критерии, по которым участники сети определяют, кто может в нее входить, а кто не может. Функционирование такой нормы Ф. Барт обозначил как «приписывание», то есть действие особого механизма идентификации, который обеспечивает устойчивость границ социальной сети. Он считал, что для идентификации члена сети важны социально релевантные факторы, а не внешние различия. Внешность и поведение могут отличаться, но если некто полагает себя членом сети и хочет, чтобы другие его считали таковым, то его внешность и поведение будут интерпретироваться как сетевые [2, с. 4–49].

Но в данном случае демонстрации желания быть со всеми, признания на словах ценностей дружбы и взаимопомощи недостаточно. Чтобы восстановить сетевые отношения, наркоману необходимо прекратить давать пустые обещания «начать новую жизнь», полностью «завязать», вернуть долги и т. п. Те же друзья и родственники, которые не разрывают отношений с больными наркоманией и стараются им помочь из соображений долга, привязанности, вины и т. д., тем не менее, чаще всего осознанно изолируют их от контактов со своими сетями, опасаясь общественной стигматизации ярлыками типа «мать наркомана», «его друзья-торчки» и прочих социальных санкций.

В виртуальных сетях такие границы тоже должны быть, хотя именно декларация разделения ценностей и интересов участников сети и желание оставаться в сетевых отношениях здесь могут быть решающими критериями участия, а шансов попасть под пресс гонений и изоляции, вероятно, меньше.

Семейные сети — особый случай социальной сети

Иного рода ЖСС — это межсемейные сети взаимообменов. Здесь «проектом» можно назвать сохранение и развитие самой семьи или семейного клана, объединенных традиционными институтами кровного родства, брака и родительства. Называть семейную общность сетевой структурой можно только с многочисленными оговорками, так как отношения между родственниками регулируются неформальными предписаниями, коренящимися в особенностях культуры и религии. Внутри семейного клана вполне возможна иерархическая структура, и глава семьи там — не то же самое, что «координатор» сети. Хотя следует отметить, что в современных семьях подобная структура отношений нередко приводит к конфликтам. Например, это конфликты молодых семей и семей родителей, связанные с вмешательством последних в жизнь детей на том основании, что они «старше и опытней», «родителей надо слушать» и проч.

В живых социальных сетях, основанных на межсемейных обменах ресурсами, даже с учетом традиции права старшинства, появление иерархии воспринимается достаточно болезненно, так как изначально сеть — это «плоская» организационная структура. Особенно отчетливо это видно в смешанных семейно-дружеских сетях, участники которых привлекаются к реализации проектов общественных организаций в качестве активистов или волонтеров. В такой ситуации институциональные нормы социальной сети предписывают наблюдение за тем, *«чтобы никто не оказался под тобой, но, что важнее, над тобой, так как это признак типичной организации — на работе у меня так. Там же никто не говорит, что мы — сеть, хотя много отделов, много народа. А здесь, какая это сеть, если мне могут приказать что-то делать только потому, что они важнее для сети, чем я, или у них есть ресурсы, которые нам нужны? Тогда к чему разговоры о партнерстве, равенстве? Да, мы дружим много лет, да, даже в родстве, но это не повод»* (женщина, 35 лет, руководитель некоммерческой общественной организации, Саратов, 2006 г.)³.

Для сохранения организационной структуры семейно-дружеской ЖСС ее «суперкоординатор» пытается взять под контроль главный рычаг власти в сети — общий неделимый сетевой капитал, распределяемый по ее членам через сложную систему неэквивалентных обменов, которая сложилась исторически. Например, это общее помещение, инвентарь, оборудование, приобретенные вкладчину, «касса взаимопомощи», транспорт и т. д.

³ Экспертное интервью для оценки результатов проекта «Снижение роста темпов распространения ВИЧ/ИППП среди групп высокого риска в г. Энгельсе: “Код доступа”» (проект осуществлен при поддержке фонда PSI в 2006 г., рук. И. Штейнберг).

Даже находящийся формально в личной собственности семьи автомобиль не так давно, в 1970–1980-е гг., обычно рассматривался членами семейно-дружеских сетей как общий транспортный ресурс для различных перевозок, поездок на дачу и проч., особенно если родственники и друзья участвовали в его приобретении (давали в долг или помогали с покупкой). Автомобиль выступал как системообразующий элемент сетевых коммуникаций и определенным образом организовывал вокруг себя пространство социальной сети. В конце 1990-х это значение личного автомобиля стало утрачиваться в связи с тем, что многие люди получили возможность его приобрести.

Сетевой социальный капитал как основа создания сети

Что является сетевым капиталом в киберсетях социальной поддержки? Его формы столь же многообразны, как и формы социального капитала. Например, это база данных пользователей сети, банк анкет. Это, как указывалось выше, само *виртуальное место встречи*, виртуальная площадка, которая открыта для всех желающих расширить свое коммуникационное пространство на основе общности биографии и интересов (пример — сайт «Одноклассники.ру»).

Однако для институционализации отношений в социальной сети этого недостаточно. Нужна объединяющая всех тема, идея, проект, в рамках которого возможно накопление сетевого социального капитала⁴ в виде специфической информации, и главное — знаний о предмете общего интереса, будь то рок-музыка, ипотека или экзотические растения, в виде систематизированной переработанной информации, пригодной для решения практических задач. На этой основе создается сообщество с определенными признаками института: разделение ролей (появляются авторитеты, эксперты, профи в той или иной теме), формируются правила общения (как задавать вопросы, как отвечать, как реагировать на конфликтные ситуации, как обращаться), возникают внутренние формы санкций для нарушителей общепринятых норм и традиций и т. п. Иными словами, происходит рутинизация поведенческих практик, что в социологии, вслед за П. Бергером и Т. Лукманом, принято считать институционализацией.

В ЖСС попытка одного из субъектов узурпировать контроль над сетевым капиталом обычно заканчивается трансформацией сети в организацию, где вместо координации появляется субординация и иерархическая структура с наемными менеджерами, управляющими «сетью», которой уже нет, так как она распалась на малые группы, связанные друг с другом в основном через «вертикаль власти».

⁴ Например, Дж. Коулмен считал социальный капитал организующим ресурсом социальной сети [6].

В виртуальных сетях это сделать труднее. Поставить под контроль само сетевое общение, пустить его через управленческую вертикаль технически сложно, так как главный маркер виртуального сообщества — это персональные горизонтальные коммуникации по принципу «из уст в уста», где личная связь имеет особое значение: важно не только, *что* сообщают, но и *кто* и *зачем это делает*. Однако проникновение в социальные сети коммерческих структур даже с невинными баннерами своих услуг заставляет их координаторов по-другому рассматривать цели создания сети, что закладывает основу конфликта интересов организаторов и пользователей сети.

Особый интерес с точки зрения изучения механизма институционализации социальных сетей представляют так называемые пиринговые сети.

«Пиринговые группы» и «пиринговые сети»

Как следует из различных научно-технических определений, пиринговые сети (peer-to-peer, или сокращенно P2P) — это распределенные сети, где каждый узел может одновременно выступать как в роли клиента (получателя информации), так и в роли сервера (поставщика данных). С технической точки зрения P2P — это класс программных приложений, позволяющих совместно использовать распределенные ресурсы (дисковое пространство, вычислительные способности персональных компьютеров, хранящуюся на них информацию, пропускную способность каналов связи и т. д.).

В социологии можно найти аналог пиринговых сетей — понятие «peer groups». Оно связано с именем последователя Т. Парсонса Ш. Эйзенштадта, который пытался описать общности, живущие внутри парсонсовских «структурных разрывов» индустриального общества [10]. Эти группы формируются в нормативном пространстве между семьей и обществом, ценности и нормы которых их по разным причинам не удовлетворяют.

Молодые люди, составляющие в основном такие группы, находятся на том этапе жизненного пути, когда они начинают отрываться от семьи, но еще не приняты обществом. Семья ограничивает их своей опекой, авторитарной системой принятия решений, основанной на эмоциональных связях и традиционных обязательствах между родителями и детьми. Общество, напротив, отталкивает их экономическим рационализмом, жесткой иерархической системой ролей и статусов, формальностью законов и т. д.

«Группы равных» пытаются создать свое пространство отношений, где главными ценностями являются доверие, дружба, верность, добровольные взаимные обязательства и искренний интерес друг к другу и общему делу. Это альтернативный путь социализации и интеграции в общество молодых людей, которые стремятся одновременно

«быть как все» и «не быть как все», принадлежать к значимой группе и быть независимыми от нее.

Представим гипотетически, что виртуальные пиринговые сети — это технически оснащенные пиринговые группы, которые обрели новую форму объединения и существования в киберпространстве. Возможно, что само киберпространство формирует собственный тип отношений и, соответственно, свой нормативный тип личности, но это не должно повлиять на сущность и смысл самих связей и отношений «равных».

Сравним с этой точки зрения живые социальные сети и виртуальные пиринговые сети. Сразу обращает на себя внимание то, что построение сетей P2P, на первый взгляд, тесно связано с «реальными» отношениями между людьми и их представлениями о социальных правилах и нормах этих отношений. Например, в P2P выделяют «истинные пиринговые сети», где реализуется принцип равенства участников сети посредством децентрализации P2P-системы, состоящей из равноправных узлов, каждый из которых одновременно взаимодействует только с частью других узлов. Это позволяет клиентам сети обмениваться информацией без центрального сервера, чьи функции распределяются поровну между всеми участниками сети. Такая децентрализация обусловлена техническими возможностями передачи и обработки информации, которые ограничивают поддержание связи «каждый с каждым».

В качестве примера принципа действия децентрализованных сетей можно привести схему поиска в P2P музыкальных произведений, который приводит А. Долгин в своей монографии по экономике символического обмена [4]. С четырьмя друзьями — Арсением, Кириллом, Денисом и Зоей, — благодаря общим интересам, знакомится пятый человек — Юрий. «Юра знакомится лишь с Арсением, спрашивая об интересующей его песне. Арсений не обнаруживает ее на своем компьютере и передает запрос своим знакомым — Кириллу и Денису. Те поступают точно так же. Так запрос попадает к Зое, у которой необходимый файл есть, и она напрямую связывается с Юрой, чтобы передать ему информацию» [4, с. 506-525.].

В этом примере мы видим воплощение принципа устойчивости живых сетей: каждый участник сети поддерживает знакомство с необходимым для ее поддержания числом участников. Даже если кто-то «выпадает» из сети, связь не нарушится, так как имеются варианты обходных сетевых маршрутов. Этот же принцип достаточно эффективно работает в сетях социальной поддержки межсемейного обмена, например, когда нужно решить задачу трудоустройства или лечения одного из членов семьи.

Так, одна из участниц интервью⁵, мать молодого человека, употребляющего наркотики, описала сложный маршрут поиска специалиста-нарколога. Этот маршрут пролегал через связи между семью участниками сетевого взаимодействия, с которыми она находилась в дружеских и родственных отношениях. После того как этой женщине ничем не смог помочь ее близкий родственник и четверо ее друзей и знакомых, она обратилась к своей подруге, та — к их общей знакомой на работе. Знакомая, в свою очередь, обратилась к своему мужу, тот — к своему знакомому по спортивному клубу. Знакомый дал адрес нужного специалиста, к которому участница интервью и пришла на прием со своим сыном. В результате этого «информационного поиска» (который длился две недели) ее сын получил качественную наркологическую помощь.

Таким образом, как свидетельствуют наши примеры, и пиринговая, и живая сети выполняют свою задачу — помогают человеку найти необходимую информацию. Разница лишь в количестве затраченного времени: на поиск того, что в пиринговой сети может быть получено в течение часа, в «реале» уйдут дни или недели. Принцип же связи в живой сети — тот же, что и в P2P.

Вопрос остается лишь в том, есть ли разница в «обработке запроса»? В P2P есть определенный алгоритм, согласно которому участник сети должен обязательно передать запрос всем остальным ее членам. Это, в частности, является причиной «информационных эпидемий» в сетях, когда участник лихорадочно принимает и передает ненужную, с его точки зрения, информацию. В результате чего в так называемых ЖЖ («живых журналах») циркулирует множество бессмысленной информации, которая вызывает свирепую ярость у большинства их авторов.

Но ведь эта ситуация может быть обратной стороной преимуществ компьютерных технологий. Это может быть платой за жизнеспособность децентрализованных информационных сетей. М. Кастельс считал, что раз у информационных сетей нет центра, то они действуют по бинарной логике: включение/исключение. Все, что входит в сеть, полезно и необходимо для ее существования, что не входит — не существует с точки зрения сети и может быть проигнорировано или элиминировано. Значит, любой участник, который представляет собой некий сетевой узел, должен безоценочно, практически автоматом передавать дальше полученную информацию.

Можно предположить, что способность к распределению информации является для участника и всей сети критерием значимости. В

⁵ Интервью подготовлено в рамках проекта «Снижение роста темпов распространения ВИЧ/ИППП среди групп высокого риска в г. Энгельсе: «Код доступа»», осуществленного при поддержке фонда PSI в 2006 г. (рук. И. Штейнберг).

этом смысле главные узлы — это не центральные командные узлы (как в реальном обществе индустриального типа), а узлы переключения. Например, человек скачал анекдот и сообщил об этом другому участнику сети, отметив его как «смешной». Если у другого «узла» выбор? В поле сетевой логики — практически нет. Низкопробный анекдот становится сетевым капиталом, и для его исключения нужна «сетевая санкция», хотя непонятно, как она возникает. Особенно отчетливо этот «психосетевой» механизм виден в посланиях типа «передай другому, и будет тебе счастье». Несмотря на неверие большинства участников пересылки в эти обещания, такие тексты продолжают циркулировать по сетям с завидным постоянством.

Формирование механизма фильтрации информации в виртуальной социальной сети требует длительного времени и связано с институционализацией «культуры контента», то есть принятием общих ценностей и норм внутрисетевого общения. Отдельный участник сети может выражать свое возмущение в виде комментариев, но не может полностью игнорировать послания, которые вызывают его гнев, или накладывать на них вето ненормативным способом без риска стать «ненадежным узлом в сети». Его могут исключить из рассылки или применить к нему другие санкции, но сделать это технически достаточно трудно.

В реальной социальной сети наблюдаются схожие проявления: например, распространение непроверенных слухов и сплетен. Но так как реальная сеть формируется вокруг определенного проекта и живет, пока он существует, на пути «эпидемии» встают «санитарные кордоны» из числа координаторов проекта, которые фильтруют информацию по критериям полезности «для дела», вычисляя источник деструктивной информации и могут применить действенные санкции.

Значимость «узлов» ВСС определяется не только их распределительной способностью, но и наличием специфического ресурса, пригодного для осуществления проекта, и способностью его отдать/обменять на пользу всем участникам сети.

Таким образом, в пиринговых сетях есть свои преимущества и недостатки, которые можно сравнить с преимуществами и недостатками живых систем.

В своем анализе децентрализованных файлообменных сетей любителей музыки А. Долгин выделил некоторые преимущества таких сетей перед централизованными сетями с «главным сервером». Например, в децентрализованной сети какой-либо участник не может ее «приватизировать» и «отключить». Никакое отключение отдельных «узлов» или «центров координации» не приведет к полной остановке деятельности сети. В централизованной же электронной системе достаточно выключить головной сервер, чтобы рухнула вся сеть. А в реальной организации достаточно убрать «заводуправление», чтобы парализовать на время ее работу.

Наиболее ярким «живым» примером является многолетняя борьба с международным терроризмом. Сетевая структура крайне экстремистских движений, таких как Хизболла, является ключевым фактором их «неистребимости». Несмотря на то, что руководство этих движений, если верить СМИ, несет регулярные потери в результате боевых действий или спецопераций, проблема терроризма не решена по сей день.

К общим недостаткам виртуальных и реальных пиринговых сетей можно отнести проблему их «запредельных» размеров, которая снижает эффективность работы из-за трудностей обработки большого объема информации.

На наш взгляд, преодолеть недостатки P2P и повысить эффективность работы живых социальных сетей можно сходным образом. Нам видятся несколько путей:

- **Соединение преимуществ централизованных и децентрализованных сетей.** В живых сетях это временные координационные центры, которые могут принимать форму «совета сети», где решения принимаются представителями партнерских организаций; это может быть избранный координатор сети или исполнительный директор.

Пиринговые сети предлагают гибридные файлообменные системы, такие как Kazaa (www.kazaa.com).

- **Повышение устойчивости горизонтальных связей.** В живых сетях повышение устойчивости достигается благодаря совместным взаимовыгодным и интересным для каждого участника проектам, предполагающим определенную частоту контактов. В пиринговых сетях усиливают мощность «железа», скорость и устойчивость каналов связи.

- **Обучение «сетевой компетенции».** ЖСС стремятся обучить своих участников «сетевому мышлению» через приобщение к практикам сетевого взаимодействия. Такое мышление необходимо для эффективного поиска и сохранения нужных контактов, передачи информации, оказания помощи и поддержки, а также защиты сети от проникновения «деструктивных элементов», провоцирующих конфликты или занимающих позицию «халывщика», больного «трамвайным синдромом» (едут все — платит один).

В P2P озабочены вопросами повышения технической грамотности участников сети, обеспечения настройки клиентского программного обеспечения, быстрого поиска нужного контента и защиты компьютера от вирусов и хакеров. Кстати, «трамвайный синдром» является также проблемой виртуальных сетей. А. Долгин называет это «паразитическим» — без предоставления своих файлов в общий обменный фонд — скачиванием контента. Он приводит в пример сеть Gnutella, где около 70% пользователей вообще не добавляют файлов в обменный фонд, а около 50% всех ресурсов предоставлены одним процентом абонентов [4, с. 519.].

- **Создание коллективного сетевого ресурса.** ЖСС прилагают усилия для объединения распределенных ресурсов сети и создания «коллективного неделимого сетевого ресурса». Нередко бывает так, что большинство членов сети располагают какой-то долей ресурсов, необходимых для осуществления проекта (транспорт, оргтехника, некоторые финансовые возможности, кадры). В случае если один из участников сети обладает каким-то уникальным ресурсом (помещение, специалист, основное финансирование), то сетевой проект начинает зависеть от его «настроения». Если настроение меняется, то кооперация распределенных ресурсов теряет смысл и весь проект находится под угрозой срыва.

В P2P это называется «недокачанные файлы», когда кто-то из участников публикует в сети уникальный файл, а затем в силу каких-то причин снимает доступ к нему. А. Долгин отмечает, что хотя «к этому моменту у кого-то уже может иметься полная копия, на практике бывает, что у сотни пользователей оказывается примерно по одной десятой информации, и они не могут скооперироваться для объединения данных» [4, с. 519].

- **Обеспечение прозрачности и справедливости доступа к ресурсам.** Если участник сети обладает определенным статусом (например, является членом совета сети), у него есть возможность путем прямого или скрытого лоббирования своих интересов иметь преимущества в доступе к сетевым ресурсам для себя или своей организации. В P2P путем определенных манипуляций можно обеспечить себе первые места в очередях на загрузку контента. Реальную «полезность» пользователя для пиринговой сети можно вычислить по сведениям, которые хранятся в его машине. Таким образом, для эффективного функционирования сети необходимо обеспечивать прозрачность и справедливость доступа к ресурсам, проверять «достоверность рейтинга клиента».

- **Разумное ограничение числа участников сети.** Открытость ЖСС приводит к ее чрезмерному разрастанию, которое девальвирует ценности сетевого взаимодействия, так как поддерживать качественные контакты с множеством значимых и незначимых субъектов сети попросту невозможно. Неизбежно возникают различные конфликты, недопонимания и обиды, появляются обособленные коалиции закрытого типа и т. п. В P2P также обнаруживаются случаи некорректной работы с огромным количеством пользователей и фантастическим объемом трафика.

Выход из там и тут видится в создании сетей, представляющих собой защищенное пространство для коммуникаций. Пиринговые сети возлагают надежду на сети для групповой работы (P2P Groupware). Среди них специалисты выделяют Groove Network (сеть, предоставляющая защищенное пространство для коммуникаций), и OpenCola

(технология поиска информации и обмена ссылками на наиболее интересные источники).

ЖСС предлагают форматы *конвенций* и *партнерств* — объединений полузакрытого типа. Чтобы вступить туда, нужно предоставить рекомендации, подтвердить наличие необходимого для сети ресурса, дать согласие на выполнение внутренних правил и норм (формальных или неформальных). Примеры таких объединений — Всероссийская сеть снижения вреда (ВССВ), имеющая формальный устав, критерии и процедуру приема в члены сети, или Конвенция независимых социологических центров, где единственными «фильтрами» является согласие с Декларацией этой сети и рекомендации других ее участников.

Выводы

1. Сравнение ЖСС и ВСС по двум параметрам — основания для формирования и способ поддержания организационной структуры — показало: живые и виртуальные сети имеют общие цели, принципы формирования и координации организационной структуры. Однако ВСС имеют и ряд отличий, обусловленных не только использованием современных технических средств, но и внутренней логикой действий, определяемой информационными технологиями. Это позволяет говорить о формировании особой культуры сетевых коммуникаций в Интернете.

2. Основа институционализации живых и виртуальных сетей — стабильность выполнения ими своих функций и способность их участников к интеграции. Иными словами, исследователь может наблюдать относительно устойчивые и повторяющиеся формы деятельности и типы поведения людей. Индикаторами такой устойчивости сети могут быть: стабильность ее состава, сохранение более или менее определенного числа участников и объема ресурсов в течение продолжительного времени, поддержание необходимого уровня интенсивности взаимообменов и коммуникаций, а также постоянство ее организационной структуры и функций и т. п. Однако эти критерии — не главные. Сеть может быть устойчива даже в случае нестабильности состава ее членов и объема транзакций, если это является ее способом длительного существования и не влияет на выполнение ею основных функций. Например, в зависимости от специфики того или иного «проекта» число участников сетевого взаимодействия может значительно увеличиваться или уменьшаться, но форма и содержание сетевых связей и отношений остаются неизменными. Организационная структура остается «плоской», «сетевая этика» в виде норм и правил взаимоотношений также сохраняется в прежнем виде.

3. Обнаруженное сходство ЖСС и ВСС позволяет предложить общие пути повышения эффективности их деятельности. Это соединение преимуществ централизованных и децентрализованных сетей,

повышение устойчивости горизонтальных связей между участниками сети, обучение их «сетевой компетенции» и «сетевой этике», необходимость разумного ограничения участников сети и обеспечение прозрачности и справедливости доступа к общим сетевым ресурсам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азаров В.* Перспективы анархо-капитализма // Набат. 2004. № 12 [online]. Дата обращения 23.12.2009. URL: <http://nabat.info/article.php?content_id=119>.
2. *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы // Социальная организация культурных различий. Сб. статей / Под ред. Ф. Барта; Пер. с англ. яз. М: Новое издательство, 2006.
3. *Басов А.* Социальные сети изменили Интернет, и они во многом будут определять следующий этап его эволюции [online]. Дата обращения 23.12.2009. URL: <<http://www.kommersant.ru/daily/?date=20071123http>>.
4. *Долгин А.Б.* Экономика символического обмена. М.: ИНФРА-М, 2006.
5. *Ивановский В.* Социальные сети в Интернете: эволюция [online]. Дата обращения 23.12.2009. URL: <<http://hostinfo.ru/articles/internet/services/1300>>.
6. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 124–129.
7. *Кропоткин П.А.* Анархия, ее философия, ее идеал. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999.
8. Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / Под. ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: РОСПЭН, 2002.
9. *Штейнберг И.* Постмодернистская этническая община: возможна ли преемственность после разрыва традиций? (По результатам двухлетнего социального эксперимента по конструированию социальных сетей поддержки в городской этнической общине) // Пути России / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2007. С. 223–236.
10. *Eisenstadt S.N.* From Generation to Generation, Age Groups and Social Structure. Glencoe: Free Press. 1956.